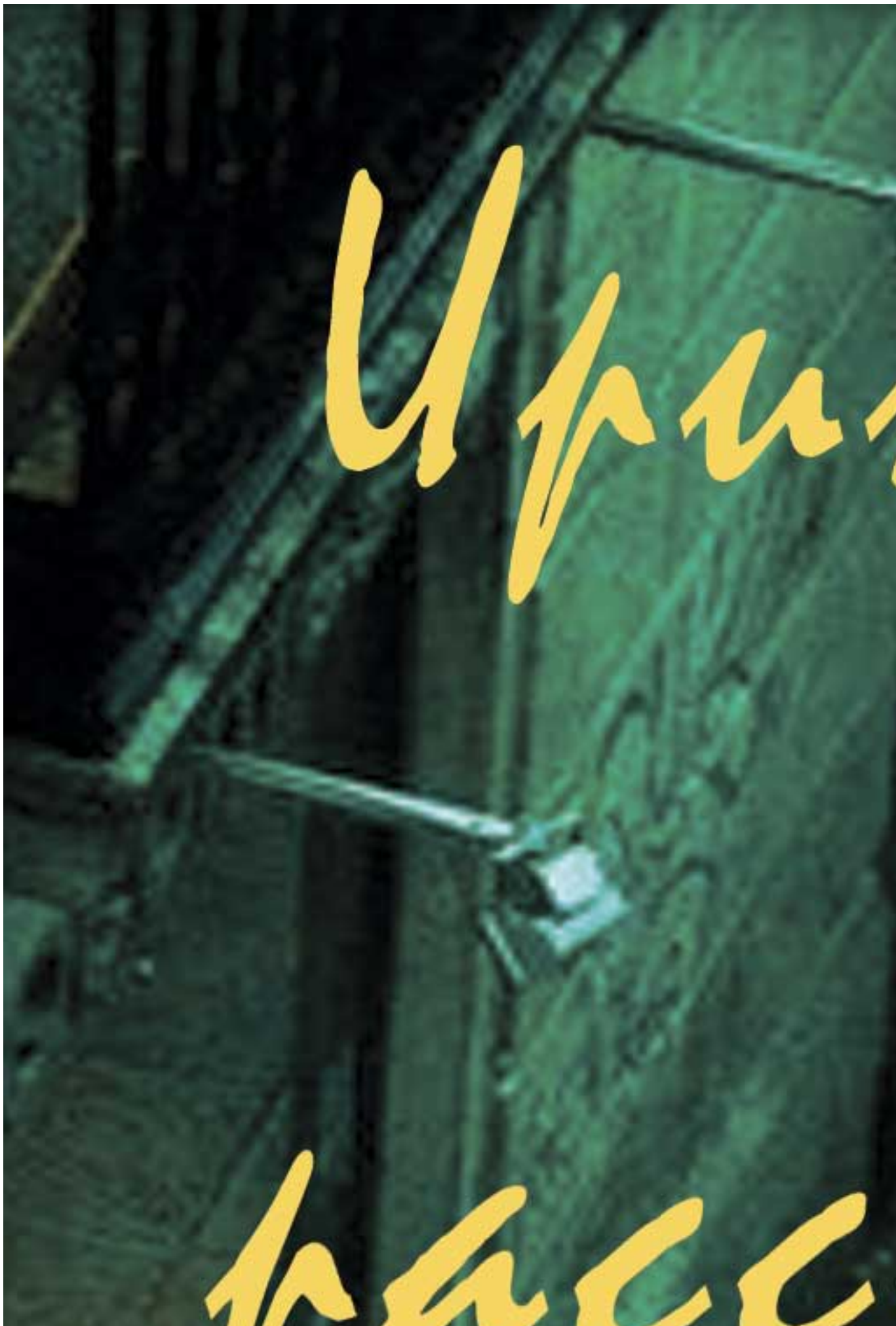

Упр

касе

Ирина Горбачева

Сумма случайностей (рассказы)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18350096

Мультимедийное издательство Стрельбицкого;

Аннотация

Судьба каждого человека состоит из суммы случайных встреч, поступков, желаний, которые и определяют нашу жизнь. В каждом из рассказов описан один случай из жизни разных женщин. Один штришок из жизни героинь. У кого-то он грустный, а у кого-то переломный, помогающий изменить жизнь. Сборник интересен не только женщинам, но, как уже проверено, и мужчинам. Хотелось бы, чтобы эти рассказы заинтересовали и подрастающее поколение. Вдруг, какой либо из штришков, поможет им в постройке собственной судьбы.

Содержание

Неизвестность	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Ирина Горбачева

Сумма случайностей

Неизвестность

Повесть

Часть 1. Мария

Услышав звонок, Мария медленно подошла к входной двери. С работы вернулась соседка Надежда. Совсем недавно если им приходилось встретиться на площадке у лифта, то они перекидывались несколькими незначительными фразами, и расходились каждая по своим делам. Тесное знакомство, дружба с приглашением соседей на чай в мегаполисе давно уже не приняты. Выросло целое поколение, которое только понаслышке знает о непонятном месте жительства своих предков – коммуналке, где каждый сосед друг другу брат или недруг. Где члены нескольких семей с разными взглядами на мир, с разговорами, советами, спорами о политике, болезнях – лекарствах и ценах в магазинах должны были пользоваться на равных одной кухней, кладовкой – ванной, хотя ванны в квартире и близко не было и туалетом – в порядке живой очереди. Где каждый жилец знал о рядом проживающем семействе всю его подноготную. Какие тайны в комнатке, где стены из гипсокартона, а дверь в неё не обязательно закрывать – брать нечего. Времена массовых расселений коммуналок давно прошли и семьи стали жить отдельно, но закрыто. Так наглухо закрыто и так секретно, что ни в одну замочную скважину не подсмотреть – двери давно из металла, да и щелей-дырочек в стенах не наблюдается. Давно уже никто не бежит к соседям за солью или за сотней, чтобы «дожить» до зарплаты или просто потрепаться – излить душу. Давно на обычный вопрос: кто живёт в соседней квартире, в ответ в лучшем случае можно услышать – семья. Но скорее всего, пожимая плечами, сдержанно и кратко вам ответят: не знаю, кто-то.

Возможно, у многих по-другому складываются отношения с соседями. Но на этаже, где жила Мария, вот так. Она, знала о Надежде только её имя, да то, что соседка проживает в квартире одна. Её муж никогда и никак не проявлялся, из чего ею был сделан вывод – соседка одинокая женщина, имеющая взрослого сына.

Соседский сын редко, попадал ей на глаза. В последнюю встречу с ним на площадке у лифта, Мария прикинув возраст Надежды, решила, что и у нее сейчас мог бы быть сын или дочь его возраста. От молодого мужчины резко исходил запах алкоголя смешанного с дешёвым одеколоном и куревом. Мария не любила чужих запахов, резких в особенности. Поэтому, даже в лифте старалась ездить одна. Но к тому, что молодой человек курил не у себя в квартире, а на общей площадке, относилась терпимо. Она никогда и ни с кем не любила конфликтовать, не любила разговоров, вызывающих споры. Старалась обходить скандальные ситуации всегда, во всём и со всеми: соседями, сослуживцами, знакомыми, малочисленной роднёй, мужем.

С мужем, со вторым мужем – Витюшей, Марии, как она считала, повезло.

Первый раз она вышла замуж, как сказал Машин отец, когда Боря, сокурсник пришёл у него просить её руки: «Попробуй». И они с Борей пробовали почти пять лет создать счастливую семью. В основном пробовал Боря. А Маше, как сейчас говорит молодая поросль, было

на его старания «по чесноку». В институте Марию считали скромницей. В сущности, она такой и была. Дискотеки убивали её настроение своим шумом и запахом от выпитого дешёвого вина кавалеров, приглашающих её на очередной танец. Она никогда не приезжала на «днюшки» однокурсников, не участвовала в «собирухах» на свободных от «родоков» дачах с ночёвками и игрой в «бутылочку» на поцелуй или ещё что-то покруче. И то, что за ней стал ухаживать Борис, остролов, способный довести любую компанию до смехоистерии пересказами анекдотов и новых кинофильмов, для всех стало неожиданной новостью. Контраст их характеров был велик.

* * *

Замуж Мария вырвалась, надеясь жить подальше от вечно чем-то недовольной мамыши и постоянно дающего, под её чутким руководством, дельные советы отца. Как раз вовремя, ей досталась от умершей в доме для престарелых бабушки, маленькая комнатка в коммуналке с тремя соседями. Одну, без законного мужа, на вольные хлеба родители её не отпускали. А о том, чтобы пожить с молодым человеком, вне брака, отдельно от глаз родителей – это ужас и кошмар! Эти новомодные западные штучки, не для порядочной семьи. Мария пробовала покапризничать, даже однажды с вызовом заметила матери, что по западным обычаям сдавать матерей в дома престарелых и получать мзду за аренду её комнаты, так это мы с радостью, а вот отпустить зрелую девицу в самостоятельную жизнь одну, это кошмар.

Вообще мать могла закошмарить любое начинание, любое дело. Ей было подвластно «всё», она точно знала «как надо» и искренне верила в то, что она «всегда права». В любое дело, начатое кем-то, она влезала со словами: «Я знаю». Даже если что-то не знала и просила ей это что-то объяснить, то видно по сросшейся с ней привычке постоянно повторяла во время объяснения: «Я знаю, Я знаю...». Её «Я» было всегда, везде и со всеми с большой буквы. И от этого Яканья, остальные члены семейства оставались с «я» вечно маленьким и не растущим вверх.

Закошмаринное «я» Марии, вообще не выросло ни в высоту, ни в ширину.

– Ему московская прописка была нужна, иногороднему, вот он и нашёл тебя, дуру неотёсанную, – твердила ей мать.

Но она ошибалась. Боря любил Машу. За что уж он полюбил её, для неё так и осталось неразгаданным, непонятым. Потому, что те объяснения своего чувства, которые давал Боря, её не устраивали. Точнее, она их не понимала. Когда она спросила его об этом, то он ответил не задумываясь:

– Глупая, любят не за что-то, а как. Я люблю тебя, видя, как ты смеёшься. У тебя обалденная улыбка, а смех такой, что у меня аж где-то, что-то ёкает. Я люблю слышать твой голос, смотреть, как ты спишь. Ты красиво так лежишь, и твои волосы, – Боря не стал продолжать лирическое объяснение в любви, а просто зажёб её худенькие плечи в охапку и показал на деле, как он её любит, не давая ей увернуться от его ласк.

Но Маша, анализируя бухтение матери, дельные советы отца и Борькины признания с его доказательствами, всё-таки пришла к выводу, что за волосы и за улыбку полюбить нельзя. Для любви нужно что-то посущественней. Хотя она постоянно замечала, как нежно смотрел на неё губы Борька, когда она разговаривала. Удивлялась, когда он просил её посмеяться ещё. Всё это казалось ей странным. Она же вышла за него замуж не за балагурство или ещё за что-то такое – этакое. У неё, например, ничего не ёкало где-то. Но ей было с ним пока хорошо. А когда тебе хорошо с человеком, может это и есть любовь? Вот за что она ему благодарна, это без сомнения, за свободу от родителей.

Свобода, правда, оказалась призрачной девицей, но её жизнь теперешняя резко отличалась от жизни прошлой, в отчем доме. Хотя мать продолжала кошмарить её на расстоянии.

Могла нежданно-негаданно, как тот татарин из пословицы, явиться к ним в коммуналку и устроить Марии разгон при муже за глажку, ждущую своего часа, за вчерашний суп. Находила за что.

Боре тоже доставалось, но он в отличие от Марии, естественно, не плакал от обиды, а набрасывался на свою тещу с поцелуями, прибаутками, предложением чая и забалтывал её до потери сознания. Мать перестала чувствовать себя хозяйкой в жилище молодых и приходила к ним без приглашения только тогда, когда зять устроился по великому благу водителем на мусоровоз, потому, что в этой организации давали квартиры на отработку. Счастье, что успел её получить до начала перестройки. Он очень хотел большую семью с множеством детей. Как было в его семье, у его родителей, которые жили под Тверью. Боря быстро обменял Машину комнатку в коммуналке и его полученную однушку на большую светлую трёхкомнатную квартиру с доплатой. Скинулись на доплату оба родительских семейства. Борис уже нашёл другую престижную работу по специальности. Осталось дело за малым – рожать Марии детей, продолжать счастливый род Бориса – что ещё для счастья надо. Но Маша ещё была не готова к бессонным ночам, горшкам, ползункам и всей прелести жизни с младенцем. Всякий раз, когда воодушевлённый естественным порывом Борис затаскивал её в постель, у неё в голове вертелось только одна мысль: только не сейчас, ещё рано. Детей ещё успеем.

Да и вообще, Маша с Борей с каждым днём чувствовала себя всё напряжённей и скованней. Боря не хотел понимать её. Маше, выросшей по строгим правилам: шаг вправо, шаг влево – материнская выволочка и нудные вдалбливания «что есть не хорошо» отца, очень хотелось попробовать настоящей свободы. Той, о которой кричали плакаты на демонстрациях посвящённых освобождению Манделы и чернокожего населения Африки от апартеида. Равенства со всеми. Но уже Мандела получил свободу, и его страна освободилась от апартеида, только Мария всё ещё не могла вкусить свободу личной жизни полной грудью. А ей вдруг так захотелось на дачу без «родаков», попробовать покрутить бутылочку на поцелуй или что-то покруче. Ей хотелось прижаться в танце к кавалеру, от которого несёт дешёвым винищем и сигаретами «Дымок». Ей было обидно, Борька до женитьбы перепробовал всё, а она так и осталась целованной только им. Ей было невдомёк, что Борька и выбрал из всех целованных её такую скромную и положительную, в надежде на крепкие «нецелованные гены». Он мечтал о полноценном умном, целомудренном, здоровом потомстве – продолжении своего крепкокрестьянского рода.

Они уже прожили с Борей несколько лет, ему удалось приручить тещу, и она стала считать, что Маше повезло с мужем, хотя её корректировка в его поведении ему не помешала бы. Но свободной Маша себя не ощущала. Из рамок родительской опеки она попала в рамки семейной жизни. Где тоже были обязательные правила. А ей хотелось попробовать жизнь без всяких правил. Просто жить на «хочу – не хочу». Не считая работы, конечно. Свою работу она любила. Но после окончания рабочего дня ей не хотелось идти домой разогревать вчерашний обед, кормить мужа, делать постирушки – она считала, что ещё совсем не готова к семейной жизни.

А годы стучат, стучат в окно. Однажды, она почувствовала, что ей хорошо, когда мужа нет дома. Она даже обрадовалась, когда он чаще стал на выходные уезжать к своим родителям или сёстрам с ночёвкой. Ей было легче, спокойней, комфортней без него. Она купалась в одиночестве. Не сообщая, матери об отлучках мужа, она гуляла по улицам города. Ей нравилось ловить на себе встречные загадочные взгляды мужчин.

А Боря стал её раздражать со своей вездуспеваемостью, всёдоставаемостью. То, что ей в нём нравилось раньше, теперь Машу тяготило. Когда им приходилось ездить к его родителям, где собирались вместе Борины братья и сёстры с детьми и мужьями, Маше казалось, что она попадает в сумасшедший дом, в котором даёт представление цирковая труппа. Боря

в родительском доме «плавал», как рыба в воде, постоянно хватая на руки то одного, то другого племянника или племянницу. А Маша была чужая среди этого вселенского счастья с криком и смехом, с бесконечным поеданием шашлыков на пленере, пирогов, пельменей и самовыпеченных тортов за большим самоваром. За всё время их совместной жизни, Маше хватило двух поездок на такие семейные сборища, после которых она наотрез отказалась от посещений его родни. Через почти пять лет такой шумной, но не свободной по Машиному мнению, жизни, Борис предложил ей развестись.

– Прости, Маш, – сказал он, пыхтя и краснея, – я больше так не могу. Разные мы. Я тебя, правда, любил, а теперь всё ушло. Ты как глыба непробиваемая, ничем мне тебя не взять. Может, и ты ещё найдёшь своё счастье, – здесь он искоса взглянул на неё, соображая, догадывалась она или нет о его потусторонней связи, но Маша, даже бровью не повела. Даже не догадывалась. Он понял, ей было всё равно, ездил он к матери или ещё куда. Не видя никакой реакции на его речь и намёки, он выпалил, – да что уж там, раз тебе всё равно, да и узнаешь скоро всё сама. У меня есть другая женщина. Уже давно. Она от меня ждёт ребёнка. И даже не одного, а сразу двух. Представляешь? Счастье, какое!

Маша к уходу Бори не была готова, но в её сознании сразу предстала картинка её жизни совершенно одной. Но тут, же докатилась грустная мысль, что придётся вернуться к матери и отцу, они её одиночества не потерпят. Счастье Бориса ей было безразлично, но она растерялась и даже не знала, что ответить ему на всё это. Ей стало до слёз обидно, за то, что она не догадывалась о второй, счастливой жизни своего мужа. А от грустной мысли о возвращении в родные пенаты у неё полились слёзы. Но Борис, расценив её молчание за шок, ласково вытер вытекшие из её глаз слезинки, прижал к себе, как ребёнка и стал успокаивать:

– Не переживай, квартиру разменяем. Может, встретишь ещё мужика по себе и полюбишь его. А чего так мучиться, я же видел, ты не любила меня. Не переживай, и дети у тебя появятся, потому что они зарождаются только от большой любви.

Только Боря не мог или не хотел предположить, что и без любви дети тоже могут дать о себе знать неприятными ощущениями, под названием ранний токсикоз, а потом страхом так быстро потерять только что обрётённую свободу. Но такое случится с Машей позже. А пока она думала: – «Всё, никаких больше проб и ошибок».

Она переехала в однокомнатную квартиру, которая принадлежала новой любви Бориса, оставив новобрачным трёшку, и зажила новой по-своему свободно-спокойной размеренной жизнью.

* * *

С Витюшей, вторым своим мужем, она познакомилась в середине тяжёлых девяностых. Случайно. Военный пенсионер работал охранником в местном универсаме. Там они и заметили друг друга. Повстречались некоторое время, то на его площади, то на её. После встреч с Витюшей, она стала привязывать его образ на ландшафте своей площади. Вот он пришёл с работы, она усаживает его в своё любимое удобное кресло. Нет, лучше на диван, к креслу, всё же она сама привыкла. Вот, он читает газету, поглядывая сверх очков в телевизор. А она суетится, суетится вокруг него.

В общем, Маше, после двух абортотв от недостойных, по мнению ещё тогда живой, но уже больной матери претендентов на её, Машину жилплощадь, наскучило одиночество. Через год после смерти мамы и женитьбы отца на своей сверстнице, внутри Маши остро созрело и расцвело бурным цветом желание быть кому-то нужным. Отец, после смерти матери, резко поменяв свои ориентиры и взгляды, не нуждался в помощи дочери. Ему вполне хватало заботы любимой женщины, он не страдал от одиночества, посещая вместе с новой женой различные пенсионерские мероприятия, типа танцев под баян в соседнем парке и

секцию оздоровительного бега в том же парке с такой же группой свободных от трудовых забот любителей долгой жизни. Она рада была за отца, и хорошо относилась к его женщине: робкой, радушной и тихой, совсем не похожей по характеру на её громкоголосую маму.

Ей казалась, что с появлением Витюши в её судьбе, она, наконец, поняла, что такое любовь и смогла ощутимо попробовать её и наслаждаться этим чувством каждый день.

Ей нравилось всё в Витюше. Его основательная фигура с небольшим округлым животиком – для солидности, как он любил говорить. Его тихий, но с командными нотками голос. То, как он заботился о ней. Не навязчиво и шумно, как это делал Боря: букеты на спальное ложе, конфеты килограммами – от сладкого становятся добрее. Нет, Витюша во всём был основательным – колечко на помолвку, микроволновку на день рождения. В постели, правда, мог бы быть чувствительней, возраст и организм позволял ему ещё немало лет радоваться полноценной мужской силой. Но некоторые огрехи этой стороны любви, Маша списывала на то, что всё-таки он хоть и бывший, но военный. Сколько ему бедненькому пришлось пережить, испытать.

– Вот она любовь, – сладостное определение растеклось у неё по сердцу и, щекоча, опустилось куда-то ниже пояса, – действительно, если это не любовь, тогда что?

И когда Витюша сделал ей предложение, Маша подумала, вариант лучше может и не подвернуться. А одной уже надоело. Женская сущность взяла вверх над потребностью свободного одиночества и появилась острая потребность о ком-то заботиться. Оказалось, что тихая размеренная жизнь постепенно поглощается ничегонеделаньем с последующим превращением в ничегонехотение. Время бежит, спотыкаясь о кочки судьбы, помогая кому-то что-то совершать, догонять, обновлять, там, за границей её однушки. А в пределах её маленького болотца оно стоит, еле-еле передвигая стрелки на часах её скучной жизни. В юности в её мечтах свобода выглядела, как запретный плод. Но виделась она Марии не тем огрызком из библейских рассказов, а большим волосатым с твёрдой кожурой орехом, который разбиваясь, обливает с ног до головы сладким, прохладным молочком, возбуждающим желание жить, творить, любить, рожать. Но вкусив некоторые прелести свободной жизни одинокой женщины, наступили годы апатии.

Ах, эти годы, которые так стремительно летят, если судить по постоянно меняющейся картине в окошке её квартиры. С утра была весна, а к вечеру – на тебе – уже зима. Маша, как-то задраила окна тяжёлыми шторами, так и не открывала их, чтобы не сравнивать вяло текущее время в её квартире и стремительно меняющуюся жизнь, там за толстыми шторами.

Незадолго до встречи с Витюшей, она решилась изменить скучно пожирающую её годы жизнь, на более энергичную и красивую. В общем, решила поменять всё и вся «до основания, а затем». До основания получилось. Она, по совету шустрых девчонок с работы, с вечно жующей жвачкой во рту, пошла в парикмахерский салон и, потратив весь выходной и половину своей зарплаты, вышла из него вся обновлённая до неузнаваемости. Помолодевшая лет на несколько, она, кряхтя и потея, но собрав имеющиеся в заглазниках крепкого тела любой русской женщины зачатки богатырской силы, передвинула и перевернула всё верх дном в квартире. При этом, Маша старалась соответствовать уже вовсю внедряемым в российских хрущёбах правил китайского «фуншуя». Так же по совету более старшего поколения сослуживиц, она решила, а что если, родить ребёночка. И то правда, года всё тревожней стучат в окошко и не за горами, когда кто-то понадобится для ношения стаканов с водой, когда «не дай Бог, что». И так серьёзно эта идея запала к ней в душу, что она решила о ней рассказать, нет, предупредить, порадовать уже болеющую мать, о, наверное, скором появлении внука или внучки. В общем, решила поделиться светлой мечтой и радостной вестью, что созрела для материнства.

Но как говорится, не тут искали, что хотели. Глянув на дочь критическим взглядом, и не оценив по достоинству её преображение в парикмахерском салоне, отругав её, насколько

хватило сил, за потраченную впустую, на ветер выброшенную ползарплаты, от озвученной тихим голосом идеи дочери, мать пришла в ужас. Сначала высказав ей всё, что она думает о ней: без ума и характера, тем самым выпустив давно накопившийся в себе пар справедливости, мать перешла к аргументам. А против фактов, Маша даже ни одного слова не возразила. Всё так. Как всегда мать права: в нашей разрушающейся перестройками, приватизациями с путчами и демонстрациями стране... это хорошо, что её, Машу, ещё не похёрли с работы за такие бредовые идеи! Это происки боящихся сокращения дам. Сейчас время такое, кто кого. Чего не рожалось с Борькой?!

Машу сразу охладила перспектива остаться одной с младенцем на руках в декретном отпуске. Существовать на мизерную госдотацию неизвестно какое время. Столкнуться с последующей явной безработицей, в наше время молодые, красивые, без ребёнка не могут найти себе подходящее место, а тут предстоят постоянные сопلي-поносы, это если удастся за большую взятку пристроить несмышлёныша в детсад. А если нет, то на больную мать, в вопросе «понянить внука» рассчитывать, конечно, не приходится. Так что с отложенной на подальше, с помощью матери, светлой мечтой о ребёнке, Маша грустно возвращалась в своё обновлённое «фуншуем» болотце, когда почувствовав голод, решила завернуть в соседний универсам. Вот тут-то она и встретила Витюшу. Так что Витюша нашёлся как нельзя вовремя и оказался прямо скроенным жизнью именно для Маши.

Многие мужчины, растерялись под натиском нахлынувших на Россию событий, кто спился, кто работу не смог найти, а он вот работает и почти совсем не употребляет, опять же со своей жилплощадью. Значит без всяких дополнительных «видов» на её однушку. Еще совсем даже не старый. Вполне ничего себе на вид, хотя служил в Туркестане, в бывшей Туркмении, пока республики не разбежались и Великий Советский Союз не превратился в Совок, что по существу и по названию стало верным.

Тогда Маша покорила себя за то, что чуть не сделала глупость – родила бы ребёнка не знамо от кого, Витюша скорее всего и не обратил бы на неё внимание. А так если она настроится, и если Витюша захочет, то она ещё родить сможет от любимого. Но он не захотел, а она не настроилась. И хорошо-то, как стало на душе. Спокойно. Да и Витюше ничего, кроме хорошего отношения от неё оказалось не надо. Так и расписались.

И жили Мария с Витюшей тихо, да мирно. Без лишних хлопот и переживаний. Никакой неизвестности. Всё ясно и понятно. Точно по времени, по привычному для них расписанию: работа-дом, завтрак, обед, ужин. По выходным частенько выбирались на культурные мероприятия. В театр, на концерт ходили когда – никогда. Но больше, так по соседнему парку пройдутся, лёгкие прочистят и ладно.

* * *

Но недавно у Марии случилось непредвиденное то, чего она в данный период своей жизни никак не могла ожидать. То, о чём она никогда серьёзно не задумывалась. Не совсем чтобы никогда не думала об этом. Просто, думала, что это коснётся её не скоро. Во всяком случае, не сейчас, не в том месяце, когда это произошло. Не в этом году. Даже не в этом десятилетии. Она старалась не размышлять на эту тему и пресекала все разговоры мужа о смерти и всё, что касается её.

– Нам выпало счастье жить с тобой долго и счастливо. Что мы и делаем. Не переживай, – говорила она мужу, – умрём в один день. Как в сказках.

А как можно о ней, о смерти, размышлять, если сами, те, кому по профессии положено об этом знать, толком ничего вразумительного сказать не могут. Для Марии смерть, что-то такое никем неизведанное неизвестное. Как бесконечная вселенная. А если часто и долго размышлять о бесконечности вселенной, можно с ума свихнуться. А зачем раньше времени

подвергать себя такой опасности? Марию и её Витюшу всё устраивало в этой жизни. Она искренне считала себя самой счастливой женщиной на свете.

Но счастье неожиданно пошатнулось. Незнестность, в виде смерти пришла нежданно-негаданно. Она как чёрная дыра во вселенной поселилась в квартире Марии, и заполонило всё её счастливое пространство.

Мария понимала – смерть до всех доберётся. Каждому выпадет своё время и час. Но не сам человек выбирает этот час, эту минуту ухода в неизвестность. Тогда кто? Кто владеет этими часами человеческой жизни? Если эта костлявая старушенция в белом саване, то она явно перепутала время на жизненных часах Витюши. Она ошиблась, обозналась, залетела не в то окно.

Как бы спешила к другим, к тем, кто хотел быстрее уйти на «тот свет», мучаясь от болезни или совести. Но вдруг, захотелось ей, смерти, заглянуть в их окошко. И так ей такого же болотного покоя захотелось прочувствовать. Присела рядом с мужем Марии, вкусила тишину и разомлела. Да долго не посидишь. Дела не ждут. Но, видно у смерти оказалась чисто человеческая натура. Зря, что ли время теряла на перерыв от дел смертных? И чтобы с пустыми руками не уходить, решила её Витюшу забрать. А может и из чисто женской зависти. Мол, не всё тебе баба в тиши и покое купаться. Чёрная зависть и злость её разобрала на тихое семейно счастье, поэтому и оставила она Марию одну в неизвестности. Выходит, что и у смерти что-то человеческое имеется.

Так думала Мария. Теперь, глядя на мёртвого мужа, она поняла, что смерть, оставаясь чёрной дырой во вселенной и чем-то ещё неизведанным, неизвестным – всё-таки является осязательным явлением. Вот она как сковала Витюшу своими невидимыми цепями и он, застыл в этой немного странной спящей позе. Вот он стал холодеть, как от прикосновения к телу ледяного металла.

Странное ощущение, человек вроде бы и есть, но на самом деле его уже нет. Он не с ней, не здесь, а возможно он рядом где-то завис. В смысле душа его где-то присела на диванчике и смотрит на неё, на Марию. Маша, даже вздрогнула от такого предположения. Страшно, когда тебя окружает неизвестность.

Витюша ушёл. Ушёл тихо, как они с ним жили. Странно, никогда ничем не болел, не жаловался ни на что. Разве, что на появившуюся отдышку. Иногда просил Марию измерить ему давление.

– Чтобы удостовериться, что давление, как у молодого, – всегда шутил он.

А тут, сел у телевизора и по обыкновению заснул. А когда Мария подошла его разбудить на ужин, то поняла – он умер. Тихо так умер. Со стороны казалось, что заснул мужчина. Голову чуть скосил на плечо и заснул, вот-вот засопит сейчас. Тихо так, сладко. А оказалось, он умер. Ушёл от неё. И не к кому-то ушёл, а вообще, навсегда. Туда где неизвестно что, и неизвестно как. В неизвестность.

Мария даже как-то сразу и не поняла что произошло. Потолкав легко мужа за плечо, она растерянно несколько раз попросила его встать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.